

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ИРОНИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357532
nauka@pglu.ru

Имплицитность иронии в художественном тексте осмысливается в статье с позиций ассиметричного дуализма языкового знака, коннотативности, оценочности и эмотивности, а также как результат специфического мировосприятия продуцента такого текста. Автор акцентирует внимание на том, что содержательное единство художественного текста становится результатом интеграции смыслов — эксплицитных и имплицитных, в ряду которых именно последние становятся определяющими в организации семантического пространства иронии.

Ключевые слова: импликация, имплицитность, ирония, художественный текст, языковой знак.

Новые направления в изучении иронии обозначают два ракурса в ее понимании — ирония как стилистический прием и как результат синтеза равноуровневых средств в осуществлении эстетической когниции [4; 6; 8; 9; 11; 14; 16]. Особый акцент делается на текстовом уровне реализации иронии, который предполагает взаимодействие лексических и грамматических средств, текстообразующих факторов и текстовых категорий, в конечном счете формирующих основные композиционные доминанты художественного текста. Важную роль приобретает и обращенность современной лингвистической парадигмы к изучению коммуникативных процессов, что обуславливает обращение к осмыслению способов транслирования информации. Семантическая многомерность, присущая художественному тексту, манифестирует себя в имплицитности: посредством текста передается гораздо больший объем значений, чем выражено в прямых и переносных значениях лексических и синтаксических единиц. В этом отношении исследование иронии характеризуется актуальностью и значительным эвристическим потенциалом.

Специфические отношения, наблюдаемые в структуре языкового знака, отражают корреляции плана содержания и плана выражения, которые характеризуются определенной автономностью форм и значений. Функциональный и содержательный планы языка не конгруэнтны, что детерминировано «асимметричным дуализмом лингвистического знака» [10. С. 81]. Исследователи отмечают в этой связи, что «полифункциональность плана выражения и омонимия единиц плана содержания основывается на отсутствии соответствия между более емким и многочисленным по структурной организации планом содержания и более простым и меньшим по числу единиц планом выражения» [1. С. 89].

Асимметрия языкового знака с позиций его системности и функционирования состоит в синтезе номинативного значения, определяемого его парадигмати-

кой, и «приращения смысла», продуцируемого синтагматикой лексической сочетаемости. Многообразие форм такой асимметрии обусловлено ее манифестированием на всех уровнях языка: от знака и системы языка до процессов, характерных для языка и речи. Функционирование языкового знака определяет репрезентацию асимметричного дуализма и в плане нормы/аномалии, переключение регистров которых создает необходимую стилистическую маркированность. В этой связи значимость импликации и имплицитности неизмеримо возрастает.

Современная наука о языке квалифицирует иронию как одну из форм импликации, т.к. обнаруживает асимметрию содержания и формы, когда план выражения не вполне отражает план содержания. Импликация может быть реализована в тексте частично либо не вербализована вовсе, тем не менее она реальна и может быть эксплицирована. Импликация воспринимается помощью того, что выражено в тексте и контексте, но опосредованно [3].

«Приращение смысла», продуцируемое художественным текстом, позволяет приходиться к суждениям, не вербализованным в нем, что принципиально важно для осмысления эмоциональности и оценочности текста, а также позволяет сделать значимые выводы о литературной личности (в терминологии Ю. Тынянова его продуцента [19]). Эмоциональность высказывания транслируется в основном посредством импликаций, тогда как событийный ряд в нем эксплицитен. Основной целью импликации является создание мистификации независимости читательской оценки от авторской, хотя, естественно, авторское мировосприятие, компоненты индивидуально-авторской картины мира и позволяют создать сам текст. Импликационал художественного текста содержит скрытую оценку, субъективную по своему характеру. Такая субъективная оценка, часто негативная, и составляет фундамент иронии.

Разумеется, имплицитность иронии в художественном тексте формируется конкретным контекстом, который, в свою очередь, позволяет реципиенту адекватно воспринять и интерпретировать иронический акт, фиксированный в координатах предложения, абзаца, текста. Г.В. Колшанский определяет контекст как «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т.д.); при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного конкретного содержания языковой формы (например, одного значения слова, одного значения грамматической формы и т.д.)» [12. С. 47].

По Г.В. Колшанскому, может быть выделено три типа контекстов:

- ◆ ограниченный рамками предложения или высказывания микроконтекст;
- ◆ занимающий объем абзаца / диалогического единства макроконтекст;
- ◆ зачастую совпадающий с объемом всего художественного текста мегаконтекст.

Ирония как стилистический прием реализуется прежде всего в объеме микроконтекста — контекста в традиционном смысле термина, под которым понимают:

- 1) лингвистическое окружение данной единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи;

2) законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы [2. С. 206].

Как компонент индивидуально-авторской картины мира ирония реализуется в мегаконтексте, что позволяет говорить о ее структурирующей функции, оформляющей идейно-тематическую сферу художественного текста.

Контекст актуализирует многоаспектные коррелятивные отношения слова с другими словами, что объективирует системность отношений языковых знаков. В художественном тексте контекстуальные связи характеризуются многомерностью и чрезвычайной сложностью. Семантическое пространство художественного текста конкретизирует и такое важное свойство контекста, как его избирательность, фокусируя внимание на полисемии языковых единиц. Разноуровневая ирония всегда основана на «развертывании» семантики слова.

Особое значение в связи с рассмотрением имплицитности иронии в микро-, макро- и мегаконтексте приобретает коннотативного компонента в структуре значения языковых единиц, который «выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции или оценки денотата» [17. С. 84]. Семантическая структура коннотации включает эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты: «коннотации характеризуют слова по оценочному, эмоциональному и стилистическому параметрам и отображают знания о свойствах» [13. С. 108]. Денотативное ядро значения слова «обрастает» коннотациями, что не препятствует рассмотрению денотативного и коннотативного компонентов значения как равноправных, а контекст в таком случае включает оценочную и экспрессивную составляющие [20].

По мнению В.Н. Телия, коннотация рассматривается лингвистикой в узком и широком смыслах: в первом случае она предстает как компонент значения представленной во вторичной номинации языковой единицы, который «дополняет ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [18. С. 193].

Коннотация в таком понимании «соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностно-рациональное или эмоциональное — по характеру оценки — отношение говорящего к обозначаемому. Коннотация в широком смысле — любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию» [18. С. 193].

Коннотация всегда ассоциативна, что придает ей особый статус в процессе реализации индивидуально-авторской концепции мира: «Коннотативный признак, по общепризнанному мнению, выполняет роль семантического коррелята ассоциативного признака. Это свойство коннотации определяет специфику явления. Коннотация не указывает на мир, а как бы отсылает к ассоциации, создавая «невидимый» мир, но сама она не есть ассоциация. <...> Коннотация хотя и осознается носителями языка, но является имплицитной, и потому не находит отражения в соответствующих словарях» [13. С. 116]. Закономерно, на наш взгляд, существование сложных взаимосвязей коннотативного компонента и иронии, поскольку

контекст, необходимый для ее декодирования, с необходимостью актуализирует именно коннотации языковых единиц.

Для адекватной интерпретации иронии реципиентом зачастую необходим не только и не столько микроконтекст, сколько целостный художественный текст. Важен также и так называемый «вертикальный контекст» [5], подключающий к толкованию текста социокультурные и историколитературные глубинные смыслы.

Несомненно, имплицитность иронии всегда обозначена определенными маркерами, что позволяет Н.К. Салиховой ввести термин «сигнал иронии», для которого характерна «контекстуальная неуместность сообщаемого, проявляющаяся на смысловом или стилистическом уровне» [15. С. 69].

Как концептуальная категория художественного текста ирония способна имплицитно отражать мировосприятие и оценочность автора, а также его эмоциональное отношение к объектам изображения.

Одним из важных компонентов, участвующих в формировании импликационности иронии, становится интертекстуальность, определяющая, кроме всего прочего, и соотносительность картины мира реципиента художественного текста с картиной мира его продуцента. Без декодирования интертекстуальных смыслов интерпретирование иронического текста зачастую затруднительно, а иногда и невозможно. Общекультурные и лингвистические компетенции автора художественного текста осуществляются в выборе значимых текстов, к которым осуществляются отсылки, что определяет специфику трансляции смыслов посредством культурных кодов и углубляет когнитивный потенциал читателя. Способность к декодированию имплицитности иронии является, в конечном счете, эстетической целью продуцента художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Азнаурова Э.С. (1977). Стилистический аспект номинации словом как единицей речи [Aznaurova, E.S. Stylistic aspects of the category word as a unit of speech] // Языковая номинация. Виды наименований. Москва. С. 86—128.
- [2] Ахманова О.С. (2004). Словарь лингвистических терминов [Akhmanova, O.S. Dictionary of linguistic terms]. 2-е изд., стер. Москва: УРСС: Едиториал УРСС.
- [3] Багдасарьян В.Х. (1983). Проблема имплицитного [Bagdasaryan, V.H. The Problem of implicity]. Ереван: Изд-во АН. Арм СОР.
- [4] Вишневецкая В.Д. (2002). К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения [Vishnevskaja, V.D. To the topic of the status of irony. Language means of expression] // Мир культуры: теория и феномены. Вып. 2. Пенза. С. 21—24.
- [5] Губбенет И.В. (1980). К вопросу о глобальном вертикальном контексте [Gubbenet, I.V. To the global vertical context] // Вопросы языкознания. № 6. С. 97—102.
- [6] Ермакова О.П. (2002). Ирония и проблема лексической семантики [Ermakova, O.P. The irony and the problem of lexical semantics] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. № 61. № 4. С. 30—36.
- [7] Ермакова О.П. (2002). Ирония и словообразование [Ermakova, O.P. Irony and word-formation] // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. London-Hamburg: Münster. P. 403—412.
- [8] Иванова О.В. (2000). Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» [Ivanova O.V. Irony as ' trailblazing in the beginning of the novel of F. Sologub's "Little Demon"]]: Дисс. ... канд. филол. н. Москва.

- [9] Каменская Ю.В. (2001). Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова [*Kamenskaja, Ju. V. Irony as a component of A.P. Chekhov's idiosyle*]: Дисс. ... канд. филол. н. Саратов.
- [10] Карцевский С.О. (2001). Об асимметричном дуализме лингвистического знака [*Karcevskij S.O. On asymmetric dualism of the linguistic sign is asymmetric dualism of the linguistic sign*] // Введение в языковедение: хрестоматия: учебное пособие / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. Москва: Аспект Пресс. С. 76—81.
- [11] Кузнецова А.В. (2012). Языковая игра и ирония в лингвориторическом сценарии художественного текста [*Kuznetsova A.V. Lingua-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects*] // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ». С. 62—70.
- [12] Колианский Г.В. (2010). Контекстная семантика. [*Kolshanskiy G.V. Contextual semantics*]. Изд. 4-е. Серия «Лингвистическое наследие XX в.». Москва: УРСС: Едиториал УРСС.
- [13] Маслова В.А. (1989). К построению психолингвистической модели коннотации [*Maslova, V.A. Towards building a psycholinguistic model of connotation*] // Вопросы языкознания. № 1. С. 108—120.
- [14] Пивоев В.М. (2002). Ирония как феномен культуры [*Pivoev, V.M. Irony as a cultural phenomenon*]. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т.
- [15] Салихова Н.К. (1976). Контекстно-ситуативные условия реализации стилистического приема иронии и его функционирование [*Salikhova N.K. Context-and-situation conditions of realization of the stylistic device of irony and its function*] // Научные труды пединститута иностранных языков. Вып. 198. С. 68—75.
- [16] Самыгина Л.В. (2013). Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова [*Samygina, L.V. The metatextual Irony as a phenomenon in the stories of Sergei Dovlatov*]. Diss. ... candidate of Philology]: Дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону.
- [16] Стернин И.А. (2015). Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы [*Sternin, I.A. Theoretical and applied problems of linguistics: Selected works*]. Москва: Директ-Медиа.
- [17] Телия В.Н. (1986). Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [*Telia, V.N. Connotative aspect of semantics nominatives units*]. Москва: Наука.
- [18] Тынянов Ю. (1977). Поэтика. История литературы. Кино [*Tynyanov, Ju. N. Poetics. History of literature. Cinema*]. Москва: Наука.
- [19] Шаховский В.И. (1982). К типологии коннотации [*Shahovskij, V.I. Towards a typology of connotation*] // Аспекты лексического значения. Воронеж. С. 29—34.

THE IRONY IMPLICITLY IN THE SEMANTIC SPACE OF LITERARY TEXT

Z.A. Zavrumov

Pyatigorsk State Linguistic University
Kalinina avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol region, 357532
nauka@pglu.ru

The article considers the irony implicitly in the art text from positions of asymmetric dualism of a language sign, a connotation (konnotativnost), estimation and the emotive component (emotivnost), and also as a result of specific attitude of a text producer. The author specifies that the substantial unity of the art text becomes result of integration of meanings — explicit and implicit among which the last become defining in the organization of irony semantic space.

Key words: implication, implicitly, irony, art text, language sign.